

Борьба за выживание и прощальный танец со смертью

18+

ПРОЩАЙ, РАК

Людмила Герстен

Людмила Герстен

**Прощай, рак. Борьба
за выживание и прощальный
танец со смертью**

«Издательские решения»

Герстен Л.

Прощай, рак. Борьба за выживание и прощальный танец
со смертью / Л. Герстен — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515138-4

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Прощай, рак» — это не просто книга о болезни, а
история жизни, где одно событие способно изменить всё. Когда маленькой
Катерине и её семье поставили тяжёлый диагноз, началась борьба за жизнь.
Это путь, наполненный взлётами и падениями, где надежда и отчаяние
переплетаются, а каждый день приносит новые испытания. Эта книга о силе,
любви и стойкости, которая захватывает с первой страницы и читается на
одном дыхании, оставляя читателя с верой в победу, несмотря ни на что.

ISBN 978-5-00-515138-4

© Герстен Л.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Благодарность	7
Глава 1	9
Прибытие в больницу города Каслбар	11
Мы сталкиваемся с реальностью в больнице Барселоны	16
Приезд отца Катерины в Ирландию	17
Неожиданный визит – сюрприз от бабули	20
Хоспис	24
Глава 2	26
Начало истории	26
Жизнь в Барселоне	28
Страшный диагноз	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Прощай, рак Борьба за выживание и прощальный танец со смертью

Людмила Герстен

Перед применением альтернативных способов лечения обязательно проконсультируйтесь со своим лечащим врачом.

Главный редактор Екатерина Пушина

Дизайнер обложки Екатерина Каролина Карлос Радостева

© Людмила Герстен, 2024

ISBN 978-5-0051-5138-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Читая эту книгу, вы станете свидетелем реальной, захватывающей и тревожной истории, одновременно грустной и веселой. Речь пойдет о поисках выхода из сложнейшей жизненной ситуации, где выбранное решение пойдет абсолютно в неожиданном для нас направлении.

Это реальная, полная чувств, печали и радости, захватывающая и шокирующая история, выходящая за пределы жизненных обстоятельств моей семьи.

В первую очередь я хочу посвятить ее моей любимой и дорогой дочери Екатерине.

Для написания этой книги потребовалось приложить немало сил, так как мне пришлось заново прочувствовать и пережить тяжелые, ужасные моменты, на сегодня оставшиеся в прошлом, и рассказать о том, как в нашей жизни произошел неожиданный поворот. Как спасение жизни любимой дочери привело к открытию нового мира, совершенно неизвестного не только мне самой, но и многим окружающим людям. Позвольте познакомить вас с тем, как выглядит жизнь в другой перспективе.

Эта книга – реальная история об одной семье и об одной девочке, которой в возрасте шести лет был поставлен диагноз «опухоль головного мозга», а в двенадцать – вынесен смертный приговор. Врачи заявили, что жить ей осталось не более пяти месяцев. И эта девочка – моя дочь Екатерина.

Этой историей о выживании я хочу поделиться с вами, мои дорогие читатели. Поделиться всеми горестями и радостями, напряженными и захватывающими моментами, всем тем, с чем нам пришлось столкнуться на своем пути. Рассказать о силе и любви, благодаря которым моя семья смогла противостоять смертному приговору.

Я верю, что эта книга поможет вам сделать собственные выводы и приведет вас к новым поискам и размышлениям о том, о чем, возможно, вы никогда не слышали или просто не задумывались. Все представленные здесь факты реальны. И вся информация доступна: мы живем в эпоху, в которой большинство ответов находятся на расстоянии одного щелчка компьютерной мышки или нажатия клавиши. В конце концов, только вы можете выбрать то, во что сами хотите верить.

Один французский философ однажды сказал:

«Я ничего не предполагаю и ничего не предлагаю, я всего лишь констатирую факты и прошу вас сделать вывод о сказанном мной самостоятельно».

Благодарность

Хочу выразить глубокую благодарность своей дорогой и милой доченьке Катерине за то, что помогла найти этот новый жизненный путь, доверив мне свою жизнь. На протяжении всего этого времени ее отвага, сила и выносливость перед трудностями и опасным выбором поражали нас.

Я ЛЮБЛЮ тебя так сильно, моя дорогая доченька, благодаря тебе я стала сильной, способной на борьбу мамой для моих обожаемых детей с совершенно новым взглядом на этот мир и перспективами развития, неизведанного ранее. Без тебя эта книга не была бы написана.

Огромную благодарность хочу выразить своим любимым сыновьям Павлу и Климу, которые всегда были рядом, поддерживая, разделяя боль и проявляя заботу о своей младшей сестренке. Слезы беспомощности заставили их рано повзрослеть, сделали их сильными, внимательными и чуткими маленькими мужчинами. Я несказанно благодарна вам, мои дети, за то, что не дали мне опустить руки в самые трудные моменты, когда казалось, что это уже конец света. Спасибо вам, сыновья, что не позволили упасть в пропасть, а лишь укрепили во мне силу и единственное желание – двигаться только вперед. Я так сильно люблю вас, дорогие мои дети!

Также хочу выразить благодарность моей мамочке, человеку волшебной души, настолько уникальной, что одно лишь ее присутствие и невероятно сильная сияющая энергия оказались способны унять боль, справиться с которой не смог ни один даже самый мощный препарат на этой планете. Спасибо за терпение и помощь даже тогда, когда казалось, что уже ничего не имеет смысла. Ты всегда была со мной рядом, поддерживала и дарила всю свою любовь и энергию. Нет лучшей мамы и бабушки на всем белом свете, ты самая лучшая для нас во всей Вселенной. Спасибо, моя дорогая и милая мамочка, я так сильно тебя люблю!

С благодарностью хочу обратиться к Карлосу, отцу Катерины. Он помог в критический момент жизни и поддерживал во всем; спасибо ему за терпение и веру и особенно за то, что так своевременно прислал репортаж с конференции врача-онколога из Испании Марти Боша (*Martí Bosch*) – именно это заставило меня отреагировать мгновенно, изменить судьбу дочери и безоглядно идти вперед.

Хочу выразить глубокую благодарность всем моим близким: брату Илюше, сестре Любаше, племянницам Аделине и Мелани, Анатолию (отцу Паши и Клина). Они всегда поддерживали и уделяли особое внимание Катерине. Это придавало мне энергии, а их любовь не позволила сдаться.

Большое спасибо всем друзьям: Ольге О'Брайен, Сью Фицджеральд из Ирландии; Пилар, Педро и Хоакину из Испании. Особенная благодарность другу Андресу Миранде, который всегда был рядом, в любую секунду готов был примчаться и оказать необходимую помощь Катерине, где бы мы ни находились. Все вы замечательные и экстраординарные люди.

Спасибо Лурдес и всей ее команде Make-A-Wish, за организацию фантастической поездки в волшебную Страну Чудес. Это совершенно таинственное и неизведанное место, сказка и мечта моей дочери, воплощенная в реальность.

Спасибо всем, кого я не упоминаю поименно, но кто был рядом, оказывая поддержку и подставляя плечо, на которое можно было опереться, когда это было нужнее всего.

Я премного благодарна людям, с которыми не была знакома лично, но которые поделились ценнейшими знаниями и опытом, помогли найти новый путь исцеления, направили абсолютно в другом направлении и оказались очень кстати:

Это прежде всего Прасанта Банерджи (*Prasanta Banerji*), индийский врач-гомеопат из Калькутты, самым первым отреагировавший на несчастье дочери, протянув руку помощи буквально на следующий же день. Разработанный им курс лечения помог Катерине начать выходить из состояния невыносимой боли.

Тысяча благодарностей Жозепу Памиесу (Josep Pamies), совершенно необычайному фермеру, плантатору и сборщику лекарственных растений со всего мира, малоизвестных большинству людей. Его абсолютно нетрадиционные методы, кардинально противоположные привычным просто ошеломительны. Памиес является основателем организации «Сладкая революция» (Dulce Revolución), расположенной на территории испанского города Балагер. Его простота и открытое сердце притягивают к себе огромное количество людей, которым он помогает без страха и предрассудков, с распростертыми руками и единственным желанием – помочь. Спасибо за то, что донес до нас эти волшебные растения вовремя, за подаренные наимогущественнейшие настойки, запрещенные, казалось, законом, которые помогли нам почти мгновенно, без каких-либо побочных эффектов и привели нас к более быстрому выздоровлению. Я очень тебе признательна за все советы и обмен опытом, за такое открытое и сильное сердце!

Благодарю Сюзан Пауэлл (Suzanne Powell) за то, что моментально вступила со мной в контакт, чтоб помочь моей дочери, даже не зная нас. Спасибо за то, что пригласила меня на V съезд «Сознательного питания» (Alimentación Consciente), проходивший в Барселоне в феврале 2015 года, оказавшийся для меня в то время таким познавательным и важным, спасибо за твои книги и ценную информацию.

Благодарю Нэстера Палметти (Néstor Palmetti) из Аргентины за замечательные книги в области живого и здорового питания. С большим интересом прочитала все от корки до корки, поглощая новое и неизвестное, выходя на новые пути познания и раскрытия.

Все ВЫ стали моими первыми наставниками, зажгли во мне нетленную искру, которую невозможно погасить и по сей день.

На протяжении жизни мне посчастливилось пересечься со множеством особенных и замечательных людей, НО ВЫ встретились первыми, дали толчок, повлияли на нашу судьбу, заставив реагировать и действовать немедленно. Я вам бесконечно благодарна!

Хочу выразить особую и глубокую благодарность моему любимому мужу Томасу, который был рядом, поддерживал во всем, внимательно и терпеливо выслушивал, чьи идеи помогали продвигаться вперед. Ты вдохновлял меня писать и не останавливаться, закончить и довести дело до конца. Тысячу и тысячу раз спасибо тебе!

В какое-то мгновение я почувствовала, что на меня обрушилось все самое страшное и ужасное в этом мире. Но вы все, мои дорогие люди, прибыли так вовремя, чтобы показать новые возможности, заставили реагировать немедленно, действовать, идти вперед, преодолевая возникающие на пути препятствия, не оглядываясь назад. Премного вам благодарна! Если вы все еще продолжаете читать мой длинный список благодарностей и не увидели знакомого имени, я также благодарна и вам.

Спасибо всем, кто был рядом, помогал и поддерживал в трудные моменты. Спасибо еще раз.

Я ВАС ВСЕХ ЛЮБЛЮ! НИЗКИЙ ВАМ ПОКЛОН!

Глава 1

Чудовище возвращается

30 августа 2014

Летние каникулы вся моя семья проводила в Испании с родственниками. Сами мы тоже долгое время жили там, но вот уже четвертый год находимся в Ирландии.

Вообще-то в Ирландии мы хотели погостить всего годик, чтобы усовершенствовать английский язык, людей посмотреть и просто устроить себе незабываемое приключение. Сняли на этот срок домик, а вот представьте – пролетело уже три зимы. Кто бы мог подумать, что так сложится жизнь и наше пребывание в этой стране настолько затянется.

Моя семья – это я и мои дети. Их трое: два сына и наша маленькая принцесса. Старший, семнадцатилетний Павел, – настоящий мужчина, серьезный и самостоятельный, как хозяин дома. Он с большим энтузиазмом собирается в скором времени отправиться в Университет штата Калифорния в Ист-Бэй, в городе Хейворде (Hayward California State University East Bay), куда его зачислили. Средний сын – Клим, ему пятнадцать, – творческая личность, художник, человек искусства. Он моя гордость. И самая младшенькая, солнышко-дочка, общая любимица Катерина, ей вот-вот исполнится двенадцать. Она влюблена в гимнастику и обожает латинскую музыку. Эти трое олицетворяют мою жизнь, держат в тонусе и помогают чувствовать себя мамой.

В Ирландии мы живем в крошечном городке, почти деревне, на западе острова, в графстве Мейо (Mayo), недалеко от побережья Атлантического океана. От Дублина, столицы республики, он удален примерно на двести пятьдесят километров. Для острова это огромное расстояние!

Чарлстаун застроен в основном невысокими, одно- или двухэтажными, разноцветными домиками. Их необычные колеры как-то скрашивают серость этого городка. Здесь проживает примерно тысяча человек.

Мы арендуем домик в тихом и очень спокойном месте, что наверняка не по вкусу моим детям. Он расположен в северной части городка и всего в нескольких шагах от супермаркета... На этой жилой улице практически нет автомобилей и царит деревенская безмятежность. (Может быть, слишком безмятежная безмятежность для подросших и подвижных детей.)

Наше возвращение было организовано к началу учебного года. В Ирландии нет той жары, какой одаряет и мучает нас испанское лето, но это красивая зеленая страна. Здесь постоянно идут дожди, особенно к концу теплого сезона.

Лето, проведенное в Испании, оказалось не таким, как в предыдущие годы. Оно стало совсем нетипичным и неожиданным для нас всех. Настолько нетипичным и неожиданным, насколько это может быть для семьи, в которой кто-то из ее членов внезапно и серьезно заболел.

Речь идет о самой младшей в семье – дочке Катерине. Врачи поставили диагноз – опухоль головного мозга. И вот ежедневно на протяжении этих двух месяцев ее подвергали сильному лучевому воздействию.

Был назначен курс радиотерапии. Каждый день нам нужно было появляться в больнице, проходить и терпеть эту ужасную процедуру, для того чтобы хоть как-то остановить или замедлить рост опухоли. Казалось, что лечение протекает удачно, так как проходило быстро и не было настолько драматичным, как ранее проведенная химиотерапия. Сама Кейт (так называли Катерину одноклассники) внешне выглядела неплохо, за исключением того, что у нее появились сильные отеки, особенно на лице. Тем не менее наше настроение было прекрасным: мы наконец-то закончили курс терапии, прогнозы врачей были благоприятными. Нам пред-

ставлялось, что все невзгоды остались позади, побежденные и полузабытые, что все страдания и неприятности пережиты, что теперь мы в безопасности, в здоровом, веселом и светлом будущем.

Никто и не думал, что случится совсем скоро. С этой болезнью мы столкнулись впервые и понятия не имели о ее осложнениях. Да и никто не подготавливал нас к тому, чего можно ожидать. Позже до меня дошло, что ни один врач не мог быть настолько жесток, чтоб раскрыть последствия проведенного лечения. А неокрепший детский организм оказался таким восприимчивым к агрессивному медицинскому вмешательству, что...

Спустя месяц после возвращения в Ирландию мы попрощались с Пашей, не зная, когда сможем увидеть его снова. Через четыре года? Как мне хотелось надеяться, что у нас появится шанс встретиться намного раньше, но никто не знал, что предопределено судьбой.

Жизнь текла своим чередом. Клим и Катерина ходили в школу. Кейт чувствовала себя, как обычно, разве что была немного слабой, пассивной.

Иногда она жаловалась на головную боль и вялость, но продолжала посещать занятия. Постепенно жалобы становились все чаще, боли – сильнее и продолжительнее. Вскоре голова стала болеть постоянно, ребенок страдал до слез и мучился все дневное время. Ночью, скорее всего, боль не прекращалась, но измученная нервная система давала организму передышку, и Катерина засыпала.

Дни превратились в сплошной кошмар.

– Мапочка, голова болит! — говорила дочка. Чувствовалось она вот-вот заплачет. — Мне больно все сильнее и сильнее! — и слезы начинали катиться ручьем.

– Где тебе больнее всего, дочка? — спрашивала я, обнимая ее и пытаясь сохранить спокойствие, чтобы не напугать малышку еще больше.

– Здесь, — отвечала она, указывая на затылок, куда была направлена лучевая терапия.

И каждый день был хуже предыдущего. Единственным лекарством, которое назначил лечащий врач в Испании, был ибупрофен, но он совсем не облегчал боль дочери. Было совершенно не понятно, что происходит с моей девочкой. Дни казались бесконечными, облегчения не наступало. Особенно тяжело было по утрам, на пути в школу. Дорога, по которой мы выезжали на основную, имела несколько лежачих полицейских. Это соответствует правилам дорожной разметки в населенном пункте и ограничивает скорость проезжающих автомобилей. При их преодолении машину немного потряхивало. Эти толчки были практически неощутимы для меня, но Катерина вскрикивала от сильной и невыносимой боли. Автомобиль буквально полз по дороге, снизив скорость до десяти километров в час, но дочке казалось, будто мы едем по огромным булыжникам. Всеми силами я старалась смягчить переезд разметки, и, несмотря на это, Катерина продолжала стонать.

— Ай, мам, больно, больно очень сильно голову!

Любое движение машины, даже самое легкое ее содрогание, вызывало у нее усиление приступа. Я крепко стискивала зубы, взывая ко всем богам, проклинала врачей и ничем, совсем ничем не могла помочь своей крошке.

Прибытие в больницу города Каслбар

Медицинский центр Чарлстауна – это крошечный одноэтажный домик, где работает несколько врачей. Заявив о своем бессилии, они направили нас в центральную больницу округа Мейо, находящуюся в городе Каслбар, в тридцати минутах езды от дома. Но и эта больница не особо впечатлила – оказалась небольшой по площади и плохо оборудованной медицинской техникой. Некоторые приборы были неисправны, некоторые и вовсе отсутствовали. Тем не менее нас тут же оформили в стационар.

Назначили сложный алгоритм лечения с использованием сильных препаратов, таких как морфин в таблетках, жидкий морфин, ораморф, ибупрофен, парацетамол, омепразол, мовикол и габапентин. Весь этот медицинский коктейль нужно было принимать по несколько раз в день, и, похоже, это как-то работало. Катерина начала чувствовать себя лучше. Названия лекарств ни о чем не говорили, но, казалось, что все они были предназначены как раз для того, чтобы вылечить моего ребенка и избавить от мучительной боли. Чего же больше можно было желать в тот отчаянный момент?

Я и вообразить не могла, какие тяжелые последствия способно дать все прописанное. Начались страшные запоры, сильные отеки, аллергия, тошнота, головокружение, артрит пальцев рук, вызывающий сильную и невыносимую боль при любом движении. Пальцы выглядели, как у старушки. Конечности стали бледными, словно в них не поступало достаточно крови. Это было невообразимо – видеть, столько страданий у ребенка, которому всего одиннадцать лет. Развитие болезни происходило молниеносно, и казалось, этому не будет конца.

Несколько дней мы провели в больничной палате под присмотром врачей, а потом нам неожиданно предложили вернуться домой. Доктора пообещали ежедневно звонить и держать под контролем состояние здоровья дочери. И они исправно это делали. Каждый раз, когда врачи нам звонили, мы сообщали, что боль не становится меньше, а продолжает усиливаться. И нам в очередной раз повышали дозу морфина. Для определения уровня боли была установлена шкала от одного до десяти баллов, где один балл – не очень больно, а десять – очень больно.

– А какая сейчас у тебя боль, Катерина? – постоянно спрашивали доктора.

– Восемь... десять, – постоянно отвечала она.

Еще в больнице онкологи пытались определить правильную дозу обезболивающих, чтобы облегчить состояние Катерины и не превысить допустимые значения. Ведь она все еще была маленькой девочкой.

– Как долго мы должны принимать все эти лекарства и когда пройдут боли? – однажды, устав от неизвестности, спросила я врачей.

Это было во время очередной консультации, где собрались несколько наиболее известных в графстве специалистов.

Тут почему-то все на мгновение замолчали, опустив глаза в пол, как будто пытались там что-то увидеть... Вслед за ними посмотрела туда и я, но ничего там не нашла. Тогда я снова направила вопросительный взгляд на врачей, ожидая ответа. После паузы они глубоко вздохнули и пожали плечами, стараясь сделать это не очень заметно, но было очевидно. Все-таки один из врачей отважился ответить:

– Не знаем, мамаша, не знаем, у каждого по-разному. Болезнь протекает индивидуально, это зависит не только от нас.

В тот момент мне так хотелось услышать хоть какой-то обнадеживающий ответ, хоть какое-то малюсенькое оптимистическое обещание, или просто позитивный взгляд, ну или что-то в этом роде. Но, к сожалению, никто и ни в чем даже не пытался меня обнадежить.

Я абсолютно ничего не понимала, но было предчувствие, что все гораздо серьезнее и ужаснее. Невозможно было вообразить, насколько. Чем дольше не говорили конкретно, тем хуже представлялась ситуация.

Мы каждое утро ожидали улучшения, а оно и не собиралось приходить. Тогда я не понимала, что еще во время нашего пребывания в больнице врачи уже вынесли приговор моей дочке, только мне напрямую не сказали! Жизнь ее подходила к концу, и жить оставалось совсем немного. И на этом все должно было закончиться. Во время облучения в Испании тоже ничего не сообщили. Абсолютно ничего! Только провожали нас печальными продолжительными взглядами, качали головами и ничего не обещали.

Домой мы возвращались в надежде, что после обследования, снятия симптомов и огромнейшего списка препаратов моя девочка наконец-то постепенно начнет поправляться. Ведь лекарства, которые назначают доктора, для того и существуют, верно? Они должны быть эффективными, чтобы мы смогли выздороветь, так я и думала. Мне верилось, что теперь, с таким профессионально подобранным лечением, моя Катерина точно пойдет на поправку и окончательно поправится. Я очень верила и полностью доверяла врачам, как и многие. Ведь врачи – это надежда для большинства. Они исцеляют, спасают жизнь и поэтому настолько сильно завоевали наше доверие. Какая радость, что они существуют! Если б не было нужды в медицинских услугах, если б все были здоровы, не было б ни врачей, ни больниц. Никто бы просто-напросто не стал пользоваться их услугами.

На улице шел дождь, когда нас выпустили из больницы, но вместо того, чтобы докучать, он освежал наши измученные души. Он дарил богатство ощущений и воспринимался как природная щедрость, настолько отличная от больничного заточения, что даже промокнуть под дождем казалось невероятно приятным. Мы могли радоваться, дышать и наслаждаться свежим воздухом, насыщенным влагой и свободой, жадно наполняя им легкие.

– Наконец-то свобода! И можем делать все, что хочется, правда, дочка? – сказала я Катерине, оглянувшись на больницу.

– Да, мамочка, – слабым голоском отвечала Катюша, а от дуновения свежего ветра на ее лице вдруг появилась едва заметная улыбка.

Мы сели в наш маленький суперавтомобиль «Фиат» синего цвета – этот старый верный друг, несмотря на свои уже преклонные к тому времени шестнадцать лет, благодаря внимательному уходу находился в очень хорошем состоянии и всюду сопровождал нас. Это было единственное богатство и радость, которую берегли и лелеяли. А он, в свою очередь, служил нам исправно и ни разу не подвел. С ним мы проехали весь Ирландский остров, пересекли границы трех стран и даже часть Атлантического океана.

Итак, мы прибыли домой, в Чарлстаун, счастливые и энергичные, продолжая наслаждаться свободой. Здесь нас встретило все наше, родное. Наконец-то мы вышли из четырех белых стен с длинными коридорами – как в старой русской песне «Четыре стены»:

А я не хочу четыре стены,
Пол, потолок.
Солнца хочу, неба хочу,
Радуг хочу и дорог.

На самом деле стены больницы делают тебя еще более больным. Там не позволяют встать с постели, каждый час измеряют температуру, давление, дают таблетки, ставят уколы, кормят безвкусной пищей. Доктора и медсестры, практиканты и санитары сменяют друг друга возле тебя. Сейчас всего и не упомнишь.

Одним словом, мы дома! Какое облегчение, какое странное ощущение свободы и блаженства. Чувство любви ни к чему и ни к кому особенному, а ко всему сразу! Любовь к моменту,

к минуте, к часу, которые позволяют дышать свободно, забыв хотя бы на миг о том, что совсем недавно тревожило. Невероятное чувство! И как любопытно: ведь оно всегда было доступно, рядом, но мы не ценили и не замечали этого так, как сейчас. В этот короткий момент казалось, что все болезни и боли исчезли. Теперь ты можешь делать все: идти куда хочешь, спать сколько хочешь, смотреть фильмы до рассвета, наслаждаться любимой едой, смеяться, кричать, и так до бесконечности. Похоже, что желания никогда не заканчиваются, желания, казавшиеся такими простыми, но в то же время такими огромными и значимыми, особенно когда ощущаешь себя свободным, а как их легко реализовать! Чувствуется счастье и спокойствие.

Из больницы все выглядело совсем не так, но когда мы вышли оттуда с диагнозом и с настолько неопределенным прогнозом, что и не знаешь, что думать и чего ожидать, в тот самый момент что-то перевернулось во мне.

Оставалось научиться радоваться предоставленным нам мгновениям, ни о чем не думать, просто наслаждаться красивыми скоротечными моментами, пока они у нас есть, и именно это стало самым значимым в нашей жизни! Это необыкновенное чувство! Тело наполняет энергетическая эйфория. У тебя вырастают крылья, и ты взлетаешь надо всем миром. В этом полете все, что тебя окружает, кажется настолько незначительным – есть только свобода и любовь! Это что-то волшебное и бесценное, и так хочется, чтобы оно длилось вечно!

Потрясающим образом происходит внезапное осознание: почему прежде ты не мог наслаждаться этими моментами свободы – прохладным воздухом или красавицей-планетой? Почему это пришло именно сейчас? Почему в жизни должно произойти что-то плохое, чтобы человек научился понимать то, чего раньше не замечал? Я это обрела через мучения моей дочери, именно она, самый маленький человечек в семье, стала моим наставником и учителем жизни.

Это чувство познается по какой-то причине или без какой-либо – или никогда не познается. Но однажды познав его, уже стараешься не упустить, начинаешь понимать его превосходство. Это сравнимо с влюбленностью – по всему телу пробегает электрический ток. И ты наслаждаешься прямо сейчас, и тебе не важна ни болезнь, ни боль – абсолютно ничего. Их просто не замечаешь – настолько они становятся незначимы и незначительны, не замечаешь ничего, кроме любви и радости, которые тебя переполняют. С этого момента начинаешь наслаждаться каждым мгновением жизни. Вот так, без какой-либо подготовки, так, как оно есть. Нужно просто взять, расслабиться, отключиться и... блаженствовать.

Я всегда куда-то спешила, нужно было идти туда-сюда, делать то-се, решать те или иные проблемы: успевать вовремя на работу, следить за погашением задолженности, мчаться по магазинам, заполнять холодильник... – выполнять материнские обязанности. Времени на то, чтобы ни о чем не думать, не оставалось. Какое уж тут расслабиться! А оказывается, это так просто! Теперь расслабление вошло в категорию важных и нужных дел. Как бы мне хотелось познать это раньше, а не через тяжелую болезнь моей дочери! Повседневные дела и обязанности утратили свою значимость в сравнении с моментом радости, который я ощутила, когда мы вышли из больницы.

Даже если эта свобода всего лишь на день или несколько часов, минут, секунд, начинаешь дорожить ею, как никогда. Движение воздуха, будь то мягкий бриз или сильный шторм, деревья и шелест их листьев, шум ветра, который пробегает сквозь них, окружающие звуки, птичье пение – все воспринимается по-другому, иначе, разом все стало прекрасным и гармоничным, приобрело смысл. Даже лужи на улице заиграли веселыми переливами.

Все тебя радует. Боль Катерины кажется слабее, мягче, чем была внутри больничных стен. Все то, к чему прикасаются ее ручки, вызывает всплеск положительных эмоций. Ее эмоции входят в резонанс моими, и мы сливаемся с ней в одно целое.

Пока длилось это чувство, мы наслаждались каждой минутой нашей жизни, они делали нас счастливыми. Мы могли смеяться, ходить, дышать – ощущать эту неотъемлемую свободу,

придумывали идеи, которые хотели бы воплотить. Планировали день, выходные и забывали о том, что происходило, и... наслаждались. В тот период каждый момент проживался, как целая вечность! Казалось, сами легкие раскрываются, как никогда, позволяя глотку свежего воздуха наполнять все твоё тело, чтобы ты мог жить и получать блаженное упоение этой замечательной жизнью!

Даже боль Катерины с десяти баллов отметки прыгнула до тройки, что было более терпимо. В некоторые моменты она даже забывала о ней, особенно когда получала положительные эмоции.

Но... к сожалению, это состояние длилось недолго. Через несколько дней наступило очередное ухудшение – боль быстро стала усиливаться и вскоре вернулась до отметки в десять баллов.

Я кинулась искать информацию об этой странной болезни в интернете. Надеялась найти что-нибудь утешительное. Мне нужна была хоть какая-то надежда. Я чувствовала и верила, что хоть что-то должно быть. Но, к сожалению, все мои поиски оказались напрасны – ничего положительного обнаружить не удалось. Лучевая терапия и морфин, которые нам назначали, не приводили к выздоровлению.

Вся эта картина выглядела настолько печально, что дальше читать не хотелось. Я с треском захлопывала ноутбук и спрашивала себя, зачем вообще это смотрела и читала – одно сплошное расстройство, да и только. Лучше б всего этого и не знать.

Ничего, абсолютно ничего хорошего и обнадеживающего. Статистика была ужасна. Но... в душе все равно трепетала надежда – неизвестно, на что, но она была. По своей натуре я человек оптимистичный и всегда верю в лучшее, но в то же время тревога не покидала меня.

Боль усиливалась с каждым днем, и однажды Катерина оценила ее на СТО баллов. Она кричала и плакала. Я ломала голову: чем же, ну чем еще я могу помочь своей крошке?! До принятия очередной дозы морфина мы высчитывали каждую минуту. Каждый час отмечали галочкой в таблице и с нетерпением ждали следующую, опасаясь ее превышения. После каждого приема устанавливали будильник для принятия следующих препаратов, хотя он нам был и не нужен: мы не сводили глаз с часов, считая, сколько еще осталось продержаться до минуты, когда можно будет хоть как-то унять эту ужасную боль, а они, как будто назло, шли невыносимо медленно.

Напряжение и страх нарастали. Это чувствовал и Павлуша, хотя находился от нас далеко-далеко. Как же нам его не хватало! Понимание того, что мы ничем не можем помочь нашей маленькой принцессе, пугало все больше и больше.

Особенно трудно было в моменты, когда Катерина кричала от страшной боли:

– Мапочка, мне больно, очень больно, помоги мне, пожалуйста, помоги!

«Что делать и чем помочь?» – соображала я и не находила ответа, но надо было быть сильной, чтобы как-то ее успокоить. Обнимала дочку и с любовью приговаривала, едва сдерживая слезы:

– Скоро, малышка, скоро тебе будет лучше, – это единственное, что приходило в голову.

Я должна была демонстрировать дочери мою уверенность, чтобы она не теряла веру и не сдавалась. Нельзя было показывать свою беспомощность.

Но когда нервы сдавали, убегала в ванную комнату и плакала. Слезы лились в три ручья. Приходилось стискивать зубы, чтобы меня никто не слышал. Придя в себя, спокойно выходила из ванной, делая вид, что ничего не произошло. Не хотелось еще больше беспокоить детей. Давалось мне это невероятно трудно, но я была единственным человеком, кому они доверяли.

Короткий звонок из далекой Америки поднимал настроение у Катюши и был спасением на какое-то время – она очень сильно тосковала по брату. Ведь он был ей, как папа, всегда заботился о ней, особенно если меня не было дома. Каждый разговор с ним вызывал огромную радость. В этот момент она даже переставала плакать. Казалось, это общение помогало забыть

о боли – пусть и на несколько минут, а может, она просто терпела. Веселыми шутками сын мог заставить сестренку улыбаться.

Пока они говорили, я снова уединялась – хотелось скрыться от всех, отпустить тяжесть, которая угнетала мою душу, ослабить петлю на моей шее, выплакаться и облегчить груз страданий.

Наревевшись, посылала Павлу сообщение о том, что мне уже лучше и я могу вернуться к Катерине. Он заканчивал разговор, а я снова присоединялась к дочке с вопросом, о чем говорили. Когда я не могла передать эстафету Павлу, то на помощь всегда приходил Клим. Таким образом, мы подбадривали Катерину всем, чем могли, то вместе, то попеременно. Так проходили дни, сменяя друг друга.

Старший сын продолжал поддерживать нас, заботился о сестре, плакал от волнения и переживал. Разговаривая с ним по телефону, я слышала, как дрожит от слез его голос. Но в разговоре с сестренкой он сдерживался – знал, что должен быть сильным и оптимистичным. Забота моих детей друг о друге радовала меня и делала счастливее. Возможно, потому что в нашей семье отсутствовал отец, Павлуша часто брал эту роль на себя, заботясь о своем младшем брате и сестренке, особенно в мое отсутствие, иногда любил и покомандовать.

Павел – умный и талантливый подросток, зрелый не по годам. Среднюю школу закончил на год раньше положенного, перескочив один класс, и поступил в лучший ирландский вуз в Дублине – колледж Тринити (Trinity College) и в то же время был зачислен в Калифорнийский университет Ист-Бэй (CSUEB East Bay). В семнадцать лет, будучи еще несовершеннолетним, принял решение отправиться в одиночку в Соединенные Штаты, чтобы продолжить образование, не зная никого в этой стране и самой страны. Я не могла быть рядом с ним! А как бы хотелось разделить надвое, но я одна, детей трое, и выбора нет – я должна быть рядом с двумя младшими детьми. Когда старший сын уехал, появилось странное ощущение. Мы никогда не расставались так надолго. К этому сложно было привыкнуть. Но настало время принять тот факт, что мой сын вырос: я должна полностью доверять ему, верить, что все будет хорошо, и транслировать свою положительную энергию. Этого достаточно, чтобы отпустить своего ребенка по другую сторону Атлантического океана добиваться своей цели.

Мы сталкиваемся с реальностью в больнице Барселоны

С того момента, когда мы вернулись из Испании в Ирландию, связь с отцом Кейт поддерживалась постоянно. У него была возможность связываться с врачами в Барселоне, так как он жил неподалеку, в Таррагоне. У нас, конечно, были наблюдающие девочку врачи, но ближайшее детское онкологическое отделение находилось в Дублине – в трех часах езды на машине. Основной контроль и само лечение радиотерапией происходило в Испании, поэтому мнение испанских врачей мы всегда спрашивали для большей уверенности.

– Состояние Катерины ухудшилось. Требуется срочная госпитализация в Касльбар, это недалеко от нас, – сообщила я с тревогой Карлосу.

– Что случилось? – забеспокоился он. – Завтра срочно поеду в больницу Валь д'Эброн, узнаю, почему ей плохо и что нам делать.

Мы легли в больницу. Доктора начали подбирать новое лечение. Я не думала ни о чем плохом, но сомнения и неуверенность оставались. Ничего конкретного нам не говорили. От испанских врачей-онкологов отец тоже не получил четкого ответа.

– Мы сделали бы то же самое, – отвечали они. – Мы назначили бы те же самые лекарства, что и в Ирландии.

Карлос не знал, что делать. В очередной раз отправился к заведующей отделением онкологии доктору Гальего, с которой обычно мы больше всего беседовали и к которой чувствовали большее доверие. Взволнованно и чуть не плача Карлос потребовал от нее дать честный ответ: что же все-таки нас ожидает? И тогда доктор Гальего наконец-то решилась рассказать правду и произнесла ужасный вердикт. Неожиданный вердикт. Вердикт, который лучше было бы и не слышать:

– Мне искренне жаль сообщать вам об этом, в действительности вашей дочери осталось жить совсем немного, – и добавила с тяжелой грустью в голосе: – Не больше пяти месяцев.

Роковой день, в который был вынесен смертный приговор моей дочери... ПРИБЛИЖАЛСЯ.

Как! Что это? Что дальше? Дальше разве уже некуда? Все, тупик? Неужели ничто не может спасти нашего ребенка? Как представить, что уже через несколько месяцев ее жизнь закончится, даже не успев начаться? И как это все пережить?!

Карлос, просто потеряв дар речи, вышел из кабинета врача убитым, измученным, рыдая от беспомощности, не зная, куда идти и что делать. Кого просить о помощи? От бессилия хотелось просто кричать: «Как? Почему? Она же такая маленькая, она же почти еще не жила – и вот так умрет? Умрет! Что же мне делать, что делать? А как рассказать обо всем этом ее маме?»

Отец Катерины два дня молчал. Я ждала его звонка. Ничего не понимала – ведь он был у доктора?! Я ходила по комнате, сжав голову руками: «Карлос, позвони, прошу тебя, позвони!» Но звонка так и не было. Я пыталась связаться с ним, звонила раз, другой, пятый. Он не брал трубку. Очевидно, Карлосу нужно было время, чтобы смириться с печальным известием или найти средство от этого страшного недуга. А как смириться и принять услышанное? И как избежать или предотвратить все то, что предрекли? Как? Что делать? Кого просить о помощи, если врачи, самые опытные в лечении подобных болезней, не могут тебе помочь? А если не они, то кто? Надеяться на чудо, волшебство или неожиданное выздоровление? Может, есть люди, которым удалось излечиться от этой болезни? А если есть, то как их найти?

В такой момент начинаешь верить в то, что раньше казалось несбыточным, несуществующим, абсурдным... Только бы появилась надежда, только бы помогло...

Приезд отца Катерины в Ирландию

Прошло несколько трудных дней, я все же дождалась звонка от Карлоса. Он не сообщил мне всей правды. Не осмелился. У него язык не повернулся сообщить мне ужасную новость. Спокойно, насколько это было возможно, сказал, что врачи в Барселоне назначили бы ей те же самые лекарства, что и в Ирландии. И ничего больше.

Материнское сердце обмануть сложно. В него закрались сомнения. Карлос попросил разрешения приехать к нам в гости. Это было очень неожиданно. Он ни разу не бывал у нас с тех пор, как мы здесь обосновались. Почему-то находились разные причины не навещать свою дочь. А тут вдруг захотел приехать и провести время в больнице с Кейт... Появились средства, кто-то помог оплатить поездку. Все это звучало очень странно. Карлос попросил меня ничего не говорить Катерине о его приезде, хотел сделать ей сюрприз.

К сожалению, к тому времени, как он добрался до нашего маленького городка (рейсом Барселона – Дублин, а оттуда на автобусе до Чарлстауна), нас уже выписали из стационара, так что поддержать свою дочь в больнице он не успел. Их встреча произошла уже в нашем доме. Я отправилась забрать его с автобусной остановки в центре, что в трех минутах езды от дома. Моя доченька лежала в постели, страдая от головной боли и дискомфорта в желудке, вызванного лекарствами. С сестрой остался мой сын Клим, немногим старше Кейт. Он очень сильно переживал из-за случившегося. Опустившись на коленки рядом с кроватью сестренки, обхвативши ее ручку обеими ладонями и не отпуская до самого моего возвращения, вел с ней какие-то беседы, пытаясь отвлечь от боли и тяжелых мыслей.

Когда отец Катерины вошел в комнату, рассчитывая сделать сюрприз для дочки, та не сильно обрадовалась. Она сердилась и даже не хотела смотреть в его сторону и разговаривать. Карлос подошел осторожно и поздоровался. Как ни в чем не бывало принялся целовать, обнимать ее, стал шутить. Должна признать, что у него очень хорошо это получается, он обладает прекрасным чувством юмора. В конце концов Катерина немного приободрилась и начала общаться с ним. Она обиделась на меня за то, что я ее не предупредила. Но все-таки, думаю, была рада видеть папу. На самом деле он приехал в очень подходящий момент: я могла чуть-чуть расслабиться в этой изматывающей ситуации и восстановить свою энергию. Это было важно, чтобы поддерживать Катерину, идти вперед, пытаясь как-то смягчить страдания.

Неожиданно позвонили из Испании и попросили приехать по делам. Я оставила Клима, Катерину и Карлоса и улетела на два дня в Испанию. Совсем на короткое время смогла хоть немного отключиться от такой напряженной обстановки и быть спокойной, зная, что дочка под присмотром и окружена любимыми людьми. По возвращении домой я была как новенькая и имела, казалось, неисчерпаемое количество внутренних сил для того, чтобы сопровождать и ободрять доченьку.

Но... через несколько дней началось худшее. Паника и страх охватили Катерину. Нестерпимая боль пронзала и опоясывала голову и все тело. Порой она начинала биться головой о стену, кричать и плакать, пытаясь хоть как-то облегчить страдания.

– МНЕ БОЛЬНО! ОЧЕНЬ БОЛЬНО! И Я ХОЧУ УМЕРЕТЬ! Я НЕ ХОЧУ ТАК ЖИТЬ, Я ХОЧУ УМЕРЕТЬ, МНЕ БОЛЬНО! – кричала она уже от полного бессилия.

Это самое страшное, что я могла услышать от своего собственного ребенка. Моя девочка заявляет, что больше не хочет жить. Мы пытались успокоить Кейт всеми возможными способами, сохраняя спокойствие и терпение, а это было очень непросто.

– Спокойно, Катерина, потихонечку боль начнет уходить, вот увидишь. Мы будем принимать успокоительные, пить воду, между этим будем гулять. Постепенно, доченька, все будет хорошо, вот увидишь, – говорила я, обнимая ее и целуя. Очень важно, чтобы она смогла почувствовать нашу любовь и понимание.

Мы всегда были рядом с Кейт, ни на минуту ее не оставляли. Вот уже месяц, как на лице ребенка не появлялась улыбка, а было лишь постоянное мучительное выражение. Это уже была не та маленькая девочка, которую знали буквально месяц назад, а взрослый, зрелый человек в детском теле.

Расслабиться и дышать посвободнее я могла только ночью, когда малышка засыпала. Я не ложилась сразу, а садилась на краю кровати рядом с ней, наслаждаясь ее спокойствием хотя бы во время сна, с осторожностью лаская и целуя, зная, что сейчас она не мучается и не страдает от боли. Какая радость – видеть ее умиротворенное лицо, не омраченное слезами, хотя мешки под глазами говорили о большом стрессе и усталости.

Когда Павел жил с нами, мы делили с Катериной одну комнату. После отъезда Павлуши Катерина перебралась в его, но спать приходила ко мне, как и раньше. Ложась рядом, я пыталась оставить ей побольше места и не ворочаться, чтоб не разбудить доченьку.

Каждая минута, каждая секунда ее сна превратились в наиболее ценную часть нашей жизни. Какая радость, что я могу хотя бы на это время ощущать ее теплое тело таким спокойным, не видеть на лице страданий. Эти моменты и ощущения стали настоящей роскошью. Время с вечера до утра позволяло расслабиться и давало облегчение, особенно для доченьки. По крайней мере, она могла восстановить силы в течение ночи, чтобы выдержать следующий день с надеждой на то, что он будет лучше предыдущего.

Дочь уже с трудом ходила в школу, на уроках она присутствовала всего два-три часа – только для того, чтобы сменить окружение и не проводить весь день в ЧЕТЫРЕХ СТЕНАХ. Боль сопровождала ее постоянно, и не было этому конца и края. Мы надеялись, что смена обстановки, отвлечение на учебу поможет ненадолго забыть о боли. Но с каждым днем Кейт становилось все труднее оставаться там. Шум школьных коридоров, кричащие дети – все становилось невыносимым. Да и не было таких друзей, которые хотели бы с ней поболтать или поддержать ее. Совсем одна, хотя и окруженная множеством детей. Ей было одиноко и тоскливо. Ни одноклассники, ни другие ученики не знали о ее тяжелом состоянии, и, возможно, никому не рассказывать о нем было не самым лучшим решением. Но на тот момент мне совсем не хотелось сообщать кому-либо о здоровье своего ребенка. Только учителя были в курсе, и очень внимательно следили за ситуацией, и в случае чего сразу же предупреждали. Звонили часто, волновались, боялись и сильно переживали, настороже были всегда.

В том году в школе сменились директор и его заместитель, на их место пришли люди, которые не имели ни опыта работы в этой сфере, ни понимания ситуации. В первый учебный день я подошла к новому директору миссис Харт с просьбой:

– Мне срочно нужно поговорить с вами.

– Без записи не принимаю, и делайте это заранее, – ответила она мне холодно и строго.

Я была просто в шоке, ведь речь шла о здоровье ученицы, за которой требовалось наблюдение с первого дня. Я буквально потеряла дар речи. Создавалось ощущение, что мы говорим о неодушевленном предмете, а не о тяжелобольном ребенке. Все, с кем я сталкивалась, имели сострадание и понимание, и им не важны были ни день, ни время, как только я произносила слова «срочно» и «здоровье». Такое отношение к нам было сверх человеческого понимания для меня.

Все же она назначила мне встречу, но приняла меня в малюсеньком кабинете, где не было даже стульев, чтобы можно было сесть и спокойно рассказать о ситуации. Наверное, таким образом миссис Харт давала мне понять, чтобы я говорила быстро и не отнимала у нее время. Человек, занимающийся воспитанием детей и отвечающий за них, слушал меня стоя, скрестив руки на груди. Было ужасно некомфортно. Я старалась объясниться как можно быстрее и четче, в надежде, что она сообщит всему школьному персоналу о Катерине и будут приняты срочные меры.

Такая же проблема возникла у нас и с заместителем директора. Не знаю почему, но он беспричинно злился на Катерину. Злился, когда она, например, не могла включить компьютер или не сдавала работу вовремя. Для такой должности этот мужчина был достаточно молод, похоже, ему явно не хватало опыта.

Создавалось впечатление, что заместителю директора и директору хотелось выглядеть авторитетными и строгими. И какое-то время это у них неплохо получалось, но в итоге оба добились того, что их просто-напросто невзлюбили. Фамилия заместителя директора была Боун (Bone), и мы иногда посмеивались над ним, называя его мистер Уэсо (Hueso) – в переводе на русский мистер Косточка. Смешно было иногда, но проблемы необходимо было решать.

Мы попросили организовать срочное собрание с миссис Харт и мистером Боуном, чтобы как можно более отчетливо разъяснить ситуацию Катерины, хотя они уже и так все знали. На эту встречу я пошла с Карлосом, это был его первый визит в эту школу (так они и узнали, что у Катерины есть отец). Карлос, уже немного раздраженный, начал разговор с мистером Боуном достаточно властно и уверенно, стараясь сохранять спокойствие. Несмотря на несовершенный английский, выражался он достаточно четко и ясно. Объясняя мистеру Боуну очень деликатное состояние здоровья дочки, Карлос утверждал, что плохое обращение с Катериной является примером для всех учеников и провоцирует волну подражания – ученики будут обращаться с ней так же. Мы говорили довольно долго. Они как могли оборонялись.

Мы не знали, к чему приведет разговор с мистером Боуном, просто надеялись, что честное объяснение повлияет на его отношение к дочери. На удивление, он полностью изменился и начал обращаться с ней наилучшим образом. Даже стал предлагать свою помощь. Порой Катерина говорила:

– Мами, – (дети называли меня мамми или мамита, что по-русски значит «мамочка»), – теперь мистер Боун похож на ангела, а не на монстра, как раньше.

– Как здорово, доченька, – радовались мы. – Вот видишь, как пошло на пользу, что мы поговорили с ним. Иногда люди не знают, как вести себя, из-за отсутствия опыта, но похоже, что мистеру Боуну стало все понятно, и он исправил свою ошибку.

Карлос пробыл у нас еще несколько дней. В день отъезда он с необыкновенной нежностью попрощался с Катериной. Так и не объяснив причины своего визита, сел в автобус и уехал в аэропорт Дублина. Он вернулся домой, не сказав мне абсолютно ничего.

Неожиданный визит – сюрприз от бабули

Через несколько дней моя мама во время телефонного разговора сообщила мне, что тоже хочет навестить нас. Это было неожиданно. Бабуля никогда не приезжала внезапно, потому что зависела от работы. Чтобы приехать в гости, ей всегда нужно было сильно заблаговременно договориться со своими работодателями.

Я не понимала, что происходит: сначала нанес визит отец Кейт, а затем собралась моя мама, но я была очень рада, что они могут приехать и поддержать Катерину. Дочка очень любит свою бабушку. Поэтому я даже не задумалась, что здесь что-то не так. Огромная радость заслоняла все подозрения. Ведь приехать к нам в такой маленький городишко не каждый хочет: здесь постоянный дождь, серость, – так что для нас всегда был праздник, когда кто-то (а таких желающих практически не было) хотел нас навестить. А посещение бабули – и вовсе абсолютное счастье.

И вот через четыре дня приедет моя мама. Я снова ничего не говорила Катерине, потому что хотела, чтобы это было настоящим сюрпризом. Пока же мы ежедневно пытались гулять, делая дыхательные упражнения во время прогулки, но получалось это все с большим трудом. Наш городишко вдоль и поперек можно было обойти за полчаса. До его центра, куда прибывал автобус из аэропорта Дублина, пешком ходу было всего-то минут десять. В тот день, когда должна была приехать мама, мы, как обычно, отправились прогуляться до центра. Уже видна автобусная остановка, но Катерина устала:

– Мами, пойдем домой, я больше не могу!

Держась за меня и еле переставляя ноги, она двигалась все медленнее и прилагала все больше усилий. Чтобы совсем не сдаться, ей пришлось припасть головой к моему плечу.

– Давай перейдем дорогу здесь, – предлагаю я ей, так как именно туда должен подойти автобус из аэропорта Дублина, и умоляю все высшие силы, чтобы тот прибыл вовремя. – Катерина, мы пройдем еще чуть-чуть. А затем развернемся и отправимся домой.

– Ну хорошо, – отвечает она, но с неохотой, так как каждый шаг дается ей с невероятным трудом.

И, похоже, я правильно вычислила момент, и удача помогла мне. Как только мы перешли дорогу, туда на всех парах примчался автобус из Дублина. И я вижу, как моя мама торопится к выходу, продвигаясь по узкому коридорчику салона со своим чемоданчиком. Наблюдаю за ней исподтишка, чтобы не привлечь внимание Катерины раньше времени. И вот она, наша родная мамочка и бабуля, наконец-то выходит из автобуса. Я очень взволнована и сбавляю шаг. Потихонечку, не торопясь идем, я молчу, но с трудом сдерживаю улыбку. Мама видит меня, кивая ей в ответ, подмигивая. Дочка по-прежнему ничего вокруг себя не замечает. Медленно идет рядом со мной, направив взгляд на обочину тротуара, почти себе под ноги. Она вообще ничего не хочет видеть, сосредоточена только на том, чтобы выдержать эту прогулку и как можно скорее вернуться домой. Боль, постоянная боль! Выражение ее лица – отражение страданий. Катерина очень сильный ребенок. За время болезни она научилась терпеть.

Бабуля направляется к нам. Я уже чувствую радость и волнение, сердце колотится. Она приближается, но Катерина все еще не видит ее, не поднимает глаза. Бабуля подходит вплотную и останавливается прямо перед внучкой, но та все еще ее не замечает. Я останавливаюсь тоже, и Катерина вынуждена поднять взгляд. Делает она это неохотно и, наверное, только потому, что видит чьи-то ноги возле своих. И перед ней... бабуля! Лицо Катюши в мгновение озаряется восторгом, глаза широко распахиваются и искрятся, дыхание замирает на секунду, она тут же делает глубокий вдох и кричит во весь голос, вызывая удивленные взгляды прохожих:

– БАБУЛЯ! БАБУЛЯ! – плачет от волнения и радости, обнимает крепко-крепко. А ведь только что у нее совсем не было сил даже передвигать ноги.

Моя мама – замечательный и очень уважаемый в семье человек, авторитет для нас всех. Она прибыла издалека, прилетела через океан, зная по-английски только «Hello» и «How are you?». Кроме того, чтобы в течение одного дня добраться из Испании до нашего укромного местечка, нужно все хорошо спланировать – подобрать рейс самолета так, чтобы его прибытие совпало с расписанием автобуса. Иначе проведешь всю ночь в аэропорту в ожидании первого утреннего автобуса на Чарлстаун, что абсолютно некомфортно.

И вот, не зная ничего этого, не высчитывая время, не вычисляя расстояния и не имея представления, где она находится, появляется бабуля. Моя милая мамочка с сияющей улыбкой, которая словно обволакивает тебя, окутывает, как теплое одеяло, положительной энергией любви и безопасности. Кажется, когда она рядом, все проблемы решаются сами собой. Вот такая она, волшебная и изумительная, моя мама.

После того как буря эмоций, нахлынувших на Катерину при виде бабули, немного улеглась, дочка принялась взахлеб расспрашивать, всхлипывая от переполнявших ее чувств:

– Бабуля, как ты так смогла приехать? Как ты это сделала? Почему ты мне ничего не сказала?

– Хотела тебя удивить, Катюшенька, – ответила бабуля. Моя мама единственная, кто так ее называет. – Потому что люблю тебя и очень сильно хотела с тобой увидеться, уж больно соскучилась, вот и приехала.

Они обнимаются, никак не могут оторваться друг от друга, а я прижимаюсь к своим самым родным и любимым людям. Слезы текут сами собой. Слезы радости.

Идем домой: Катерина рядышком с бабулей, обнимает ее за талию. Мне так хочется заплакать от счастья, видя блеск в глазах дочери и ее счастливую улыбку. Улыбку, которая не появлялась на ее лице в течение этого долгого месяца. В тот момент все казалось чудом, сказкой, дивом дивным. Как будто от взмаха волшебной палочки вся печаль сменилась радостью. Тяжелые мучения превратились в положительные эмоции.

– Катерина, скажи мне, какова твоя боль сейчас от одного до десяти? – спрашиваю я. Хотя мама шепчет мне на русском языке, очень тихо, скорее даже одними только губами: «Не спрашивай. Сейчас все в порядке». И, конечно же, она права.

– Ноль, мама, – отвечает моя девочка, сама не понимая, что с ней происходит.

Ее это и не интересует. Кажется, что дочка забыла, что всего несколько минут назад испытывала сильные боли. Ребенок живет только настоящим и моментально забывает плохое. Пока мы дети, мы даже не пытаемся анализировать прошлое, а наслаждаемся одним лишь настоящим моментом. Да и для чего вспоминать прошлое? Все меняется, когда мы становимся взрослыми – начинаем задумываться и много анализируем. А как, оказывается, круто жить сиюминутным! Благодаря моей дочери я это поняла. Или, скорее, заново открыла для себя. Оказывается, это так естественно. На самом деле такое состояние – все, что нам нужно, и испытывать его намного проще, чем кажется. Как же мне нравится чувствовать то же самое вместе с ней! Создается ощущение, как будто я внутри нее. Это позволяет мне снова стать ребенком. «Невероятно! Как же так? Что происходит с ее эмоциями? – задумываюсь я. – И что вызывает это чувство? Какое вещество вырабатывается в твоём теле, чтобы ты не чувствовал никакой боли без приема лекарств, без капельниц и уколов, без ничего, вот так, мгновенно?»

Я иду рядом с ними. У меня начинают дрожать губы от счастья, отстаю на шаг, чтобы Катерина не видела. На самом деле она не может увидеть мое состояние, потому что так растрогана и обрадована приездом бабули, что больше ничего не замечает вокруг. Так что у меня есть возможность выплеснуть свои эмоции. Глаза наполняются слезами счастья, и я молча плачу.

Какая же это радость, когда дочери так хорошо! Видеть ее без боли, переполненную радостью, слышать, как они с бабулей говорят взахлеб, без остановки, подшучивая друг над другом. Сколько же в них любви! Что за химические процессы происходят в наших телах? Как же

они могущественны, если почти за одно мгновение заставляют нас почувствовать себя по-другому?!

Как же мне повезло, что у меня такая замечательная мама. И чем дальше я наблюдаю за ними, тем яснее вижу, как моя дочь наслаждается просто самим ее присутствием. Чувствую себя абсолютно счастливой, слыша их смех, замечая, как тесно они связаны друг с другом, как много их объединяет. Не хочу думать ни о будущем, ни о прошлом, хочу лишь прожить этот момент с ними. Миг, кусочек жизни, гармоничный, но скоротечный, какой он есть. Оказывается, как мало на самом деле нужно, чтобы наслаждаться по максимуму моментом «здесь и сейчас». Больше ничего не нужно, кроме этого ощущения счастья. Оно неизмеримо. Бесценно. Какое же это глубокое и всеобъемлющее чувство! Такое же чувство сильной и бесконечной любви ты можешь почувствовать, не думая ни о чем, кроме отведенного нам момента счастья! Никогда не ценила, не чувствовала, не пользовалась и не наслаждалась этим. Никогда не думала, что такое чувство или что-то подобное существует. И это настолько всепоглощающе и безгранично – проживать эти спонтанные краткие простые моменты. Они кажутся вечностью, потому что ты живешь в них. Я уверена, что те, кто столкнулся с подобной проблемой, готовы заплатить любую цену за момент радости без боли. Я ощутила себя счастливницей, потому что мне эта возможность представилась! Вот бы это никогда не кончалось.

Итак, мы идем радостные домой. Идем, наполненные счастьем. Так просто и неожиданно оно сейчас появилось. Никогда не забуду этого. Было много прогулок с Катериной, но эта выдалась особенной, единственной, незабываемой и наполненной сюрпризами – прибытием бабули и неожиданным освобождением моей дочери от боли.

Домой мы пришли счастливыми, а там нас ждал обрадованный явлением бабули Клим, для которого ее приезд тоже оказался сюрпризом. Праздник радости и душевного равновесия продолжился. Мама проводила с Катериной часы напролет, но... боль начала медленно возвращаться в тот же день. Мама искала способ развлечь свою внучку. Мы рисовали вместе, пели, гуляли, готовили, ходили за покупками, играли и так далее. Делали все, что могло бы отвлечь нашу Кейт от боли. На протяжении нескольких дней, пока у нас гостила мама, всегда ждали ночи. После того как Катерина засыпала в комнате Павла, можно было открыто поговорить. И однажды ночью в моей спальне мама сказала мне:

– Дочка, сколько у тебя сил, ты такая храбрая, и ты борец, но... – она замолчала и глубоко вдохнула, чтобы продолжить. – Ты должна быть готова, доченька моя, ко всему, ты должна быть сильной. Есть вещи в жизни, с которыми мы не всегда можем бороться и должны принять их такими, какие они есть.

– Мама, о чем ты говоришь? Почему ты мне это говоришь? К чему я должна быть готова, мама? Принять что? Все будет хорошо! – ответила я.

Я даже не догадывалась, что отец Катерины поделился с моей мамой всей информацией о болезни дочки. Первой, к кому пришел, получив ошеломляющую новость о приближении смерти, была она – мама. Карлос был в отчаянии, рыдал, сообщая ей о вынесенном вердикте, и умолял ничего мне не рассказывать. Жутко испуганная таким известием, мама согласилась, что это правильно – ничего не говорить, а для себя решила как можно скорее отправиться в Ирландию, чтобы в последний раз повидаться и попрощаться с внучкой. Вот почему она так неожиданно для всех нас приехала. Вся семья в то время уже знала о происходящем. Не знала только я. Не могу сказать, правильно они поступили или нет. Очевидно, что услышать это я точно не хотела, принять такое не смогла бы и маловероятно, что вообще вынесла бы такой удар.

Мама же, искренне сочувствуя и переживая, сказала:

– Дочка, тебе нужно вернуться с детьми в Испанию, чтобы быть рядом с семьей.

– Зачем мне возвращаться в Испанию, мама? – отвечала я. – Как мне там жить? В Ирландии я получаю ежемесячную материальную помощь в размере средней зарплаты за то, что я

мать-одиночка. Таким образом могу жить в арендованном доме и содержать детей, не работая, чтобы не оставлять их одних, в особенности сейчас. Оставлять мою больную дочь одну было бы невозможно, а там, в Испании, этого всего нет. Мне придется заняться поиском работы, квартиры, у вас в Испании своя жизнь, работа, повседневность. Будет очень сложно помочь Катерине.

– Я могу помогать тебе после работы, а где и Илюша выручит. Главное – быть вместе, – предложила мама.

– Да ведь здесь, в Ирландии, мой дом. Дети учатся в школе уже три года, и у них есть друзья и своя жизнь.

Я же должна думать и о Клите и его будущем: он скоро заканчивает школу, нужно будет заняться поисками университета. Эти скачки из страны в страну сейчас совсем некстати. Это стресс, тем более Испания переживает серьезный кризис, люди теряют работу после тридцати лет стажа и не могут вообще куда-либо устроиться – что уж обо мне говорить. Зачем, с какой целью это делать? Здесь я в любой момент рядом с детьми. В Испании такой возможности не будет. Вернуться – значит не бывать дома, работать каждый день и оставлять Катерину наедине с болью. Ей нужна мама, ее мама! Никто так не поможет моей девочке, как я. Нет, не вижу смысла возвращаться в Испанию. Какая разница, в каком городе или стране мы находимся?

И это было мое окончательное решение. Я была намерена стойко сражаться в одиночестве с серьезной болезнью дочери. Конечно, очень боялась, но ни в коем случае не показывала виду. Понимала, что только моя сила воли и сила духа поможет Катерине. Именно здесь, в Ирландии, чувствовала себя безопасно, уверенно и спокойно.

После недельного пребывания с нами мама вернулась в Испанию. Мы расстались на автобусной станции, смешав объятия, поцелуи, плач и обещания встретиться в ближайшее время.

– Дочка, ты сильная, ты сможешь! – сказала она мне. – Катерина, держись, ты умница! – затем обняв внука, прошептала ему на ухо: – Клим, заботься о Катерине и маме, теперь ты мужчина в доме, – и, нежно посмотрев на нас, проговорила: – Я очень сильно вас люблю!

– Мы тоже тебя любим, бабуля! – ответили мы в один голос. – До встречи!

Распрощавшись с бабулей, мы снова остались одни с нашей повседневной жизнью, болью и нескончаемой борьбой, которые сопровождали Катерину.

Хоспис

Лечащие врачи установили особый режим ухода за Катериной – огромное количество обезболивающих, покой и постоянный медицинский контроль. Разрешено было остаться дома, но в разговорах медперсонала все чаще мелькало слово «хоспис». Нам была назначена группа поддержки, обеспечивающая ежедневный уход, предоставлены номера телефонов для круглосуточного вызова экстренной помощи.

Я и понятия не имела, что это такое вообще – хоспис. Не знала, что подразумевалось под интенсивным наблюдением и паллиативным лечением. Узнала намного позже: это когда любое лечение тяжелого и неизлечимого больного приостанавливается, потому что дальнейшая терапия уже не имеет смысла, так как пациент долго не проживет – предположительно не более шести месяцев. За счет сильных наркотических средств пытаются до конца дней, отведенных человеку, свести боль до минимума. Это не часть процесса лечения или исцеления, а лишь медленная эвтаназия.

В такой ситуации неизлечимый больной находится на специальном стационарном уходе. Это и называется «хоспис». Если место жительства далеко от больницы, то позволяют оставаться дома. Посещают один-два раза в день. Одним словом, помогают спокойно уйти из жизни. Именно это они и делали с нами с тех пор, как мы вышли из больницы. А я этого даже не понимала... Как же я была глупа и наивна!

Мы решили остаться дома. Говорят, дома и стены помогают. Это на самом деле так. Семейная атмосфера, любовь близких поднимали дух. Казалось, даже боль становилась меньше. Можно выйти, подышать свежим воздухом. И на время забыть о болезни.

В хоспис мы часто звонили по разным вопросам, не из-за лекарств, в которых я не находила решения. Искали помощь, какую-то психологическую поддержку, что-то, что помогло бы нам успокоиться. Когда сотрудники хосписа не могли прийти (в случае, если мы звонили очень поздно), нас консультировали по телефону, тщательно проверяя протокол, которому мы четко следовали, уточняли норму лекарств, проверяли уже принятые и снова поднимали дозу морфина.

А Катерине становилось все хуже и хуже, она чувствовала себя все более усталой и сонной. Боль возвращалась быстрее. Что делать? Как вести себя? Обессиленная и потерянная, я понимала: дочку нужно поддержать. Я не находила ни ответов, ни выхода, но не сдавалась. Психологи приходили работать и с Катериной, и со мной. Они навещали нас каждый день, иногда несколько раз. Казалось, помогало.

Мы уже больше не платили за медикаменты. Я помню, что в местной городской аптеке фармацевты и покупатели с грустью смотрели на нас, выдавая огромный пакет лекарств. И даже не осмеливались спросить, что происходит, возможно, догадывались, что это что-то очень серьезное, да и читали по лицу, что мы не ответим. В маленьком городке, если что-то необычное происходит, все тут же хотят про это разузнать, чтобы потом было что обсудить между собой. Разумеется, всем хотелось узнать, почему такие сильные медикаменты выписаны на имя ребенка. Но мы никому и ничего не говорили. Зачем? Кто поможет? Поймут ли нас? Вряд ли... А слышать слова жалости уж совсем не хотелось.

Как только группа поддержки выходила из нашего дома, все возвращалось в прежнее состояние и становилось хуже. Да, о нас вроде бы заботились, помогали: даже установили специальное кресло для купания в ванной комнате. На случай, если у Катерины закружится голова – чтобы она не упала и не ударилась. Это кресло было похоже на инвалидное, и я спрашивала их:

– Когда я должна вернуть вам это кресло? – в надежде, что когда-нибудь мы избавимся от болезни и не будем нуждаться в нем.

– Не нужно, используйте столько, сколько понадобится, мамаша, – отвечали мне.

Чтобы хоть как-то отвлечь дочку от боли, хотя это уже было совсем не просто, вечерами мы иногда пытались выполнять школьные задания. Наш дом был не очень теплым, хотя зимой мы постоянно держали включенным отопление. Помню, как мы лежали на моей большой кровати, укутавшись в теплое одеяло, спрятавшись от холода и сырости, делали уроки.

Например, искали видеофильмы и лекции о Французской революции, чтобы понять и даже увидеть то, что происходило сотни лет назад. Или, например, очень потрясла Катерину история о Нельсоне Манделе: мы нашли документальные фильмы, в которых увидели настоящую личность, героя. Катерина просто преображалась, когда познавала новое, загоралась, мечтала о жизни, строила планы! Она хотела отправиться в Южную Африку, в город Кейптаун, где жил Мандела, посетить тюрьму, где он был заключен на многие годы.

Мы изучали планеты. Любопытством и восторгом светились глаза дочки. Очень необычным показался Плутон. Ведь он был исключен из списка планет из-за своего маленького размера и нестандартной орбиты. Катерина с воодушевлением рассказывала мне про это и улыбалась, немного отключаясь от боли. Господи, как же это было важно для меня! Ей все хотелось узнать прямо сейчас! И это было лучше, чем просто лежать в постели, погрузившись в страдания. Иногда я читала дочке вслух, она закрывала глаза, и я спрашивала:

– Хочешь спать? Хочешь, чтобы я остановилась?

– Нет, – отвечала она спокойно и уверенно. – Хочу, чтобы ты продолжала.

Ее сила воли, способность сопротивляться, жить и учиться ошеломляли. Мы учились и познавали новое вместе: планеты, законы и химические элементы, героев войны, любовь и предательство. Иногда пытались смотреть расслабляющие фильмы и комедии, слушать музыку. Выходили на улицу, гуляли, хотя и шел бесконечный дождь. Было серо и сыро, но дождь нас не смущал. Кейт боролась как могла. Хотя бывало и такое: выходили, преодолевали несколько метров и возвращались, так как боль была нестерпимой. Даже такие коротенькие прогулки были достижением.

В школу она стремилась, ей нравилось учиться, она все легко схватывала, и у нее были неплохие оценки. Школьная комиссия выделила для ее поддержки и сопровождения в учебное время двух ассистенток. Катерина называла их своей охраной. На занятиях они сидели с ней за одной партой, помогали подниматься и спускаться по лестницам, носили тяжелый рюкзак с учебниками, записывали в дневник задания. Экзамен для Катерины проводился в отдельной аудитории. Отвечала она устно. Ассистенты записывали ответ, а иногда и подсказывали. Помогали всем, чем могли, лишь бы как-то отвлечь от боли. Она хотела чувствовать себя нормальной, обычной девочкой, поэтому пыталась ходить в школу, сколько хватало сил, и продолжала это делать до тех пор, пока боль не взяла верх, став настолько ужасной, что Катерина не могла больше терпеть.

И здесь, мой дорогой читатель, мы подошли к тому моменту, откуда я хочу начать нашу историю.

Борьба с невидимым врагом, выживание в больнице, огромное количество лекарств. Приезд отца Катерины, неожиданный визит бабушки – это все происходило с нами. С моей дочерью. Бессилие, боль. Мне хотелось покончить с этим миром. Отчаяние, разочарование, ярость. Почему нельзя побороть этого невидимого врага, который напал на мою принцессу, совсем еще не знавшую жизни?

«Дочка, ты должна быть готова ко всему», – сказала однажды мама. Я не хотела ее слушать, злилась и не могла согласиться с реальностью, которая нас ожидала.

Глава 2

Перед бурей

Начало истории

Катерина очень спешила родиться. Воды у меня отошли еще дома, и почти сразу после этого начались схватки. Был час ночи, мои старшие сыновья, пятилетний Павел и трехлетний Клим, спали. «Надеюсь, что они не проснутся в поисках мамы», – думала я, оставляя их одних. Еле передвигая ноги, с трудом добралась до машины. В ней меня ждал Карлос, отец ребенка, готового вот-вот появиться на свет.

Больница от нашего дома находилась в тридцати минутах езды. В машину я садилась, чувствуя, что Катерина уже на подходе. Схватки усиливались, интервал между ними становился все короче. Это были третьи роды, поэтому протекали они намного быстрее предыдущих, в «форсированном режиме». Торопясь, мы проскакивали светофоры на желтый, а иногда и на красный. У будущего папы от нервного напряжения выступал пот. Я кричала при каждой схватке все громче и громче, хотя изо всех сил пыталась сдерживаться.

Постоянно нажимая на клаксон, мигая фарами, прося уступить дорогу, Карлос обгонял одну машину за другой, как будто за нами велась погоня. Казалось, что дорога забита машинами и едут они очень медленно. К счастью, в салоне нашлась какая-то белая тряпка. Не знаю, что она делала там, но она была белой, а значит, могла помочь нам обратить на себя внимание водителей. Открыв окно и высунув руку, я размахивала ею, чтобы нас пропустили. Кто-то из водителей сдвигался к обочине, кто-то не реагировал вообще, наверное, думали, что мы ненормальные.

Наконец, после этой безумной, но победной гонки «Формулы-1» мы добрались до больницы Монегал и наткнулись на уже закрытые двери. У меня же между тем пошли потуги. Катерина упорно просилась на выход, и я орала что было мочи. Карлос бросился к дверям больницы и заколотил в них так, что, казалось, вот-вот вынесет их внутрь:

– Откройте, откройте! Кто-нибудь!

Моментально показались две медсестры с каталкой. К подобным ситуациям им было не привыкать: если под дверью кто-то поднял тарарам, значит, нужно бежать и тащить за собой каталку.

– Быстрее, быстрее, моя жена рождает! – торопил их Карлос.

Медсестры поспешили к машине и, открыв дверь с моей стороны, скомандовали скороговоркой:

– Быстрее! Быстрее, выходи из машины, ложись на носилки.

– Какие носилки? Не могу! Из меня ребенок уже вылезает! – ответила я им через силу, не зная, надо ли мне тужиться или сдержаться и еще с ними поболтать.

Я уже чувствовала головку между ногами, все мое тело покрылось испариной. Понимая, что выйти из машины не успею, я громко и сильно завопила. Роды шли стремительно. Вот уже показалась головка Катерины.

– Тужься! Почему ты держишь ее, мамаша? Тужься, тебе уже давненько надо было начать тужиться!

Мне хватило всего лишь раз поднапрячься, и моя малышка вылетела. Прямо здесь, в автомобиле, на переднем сиденье, оставив множество следов и напоминаний о себе. Это была

моя желанная девочка, красивая, здоровая, вопящая во всю мощь своих едва раскрывшихся легких. «Я здесь, мамочка!» – давала она знать о себе своим плачем, но мне он казался пением.

Она родилась брюнеткой с густой шевелюрой – в отличие от братьев, появившихся на свет светлокожими блондинами с едва видимым пушком на голове. Мамочки всегда ищут в своем ребенке сходства, но Катерина не походила ни на кого. Это была прекрасная маленькая принцесса, похожая на ангелочка, такая необычная, такая сладкая и такая спокойная!

Подросли и врачи со своими инструментами, перерезали пуповину и быстро забрали ребенка в помещение, чтобы дать ей необходимый уход. Меня же переложили на носилки, прикрыли простыней и отвезли напрямик в родильную комнату, так как внутри меня еще оставалась плацента. Доктор, который наблюдал за моей беременностью, еще только ехал, чтобы принять роды (без ребенка, потому что я уже родила). Оставалось «родить» плаценту. Врач закончил послеродовой процесс, и меня отвезли в палату. Малышка была на руках у Карлоса, и он с осторожностью передал ее мне. Счастливой маме!

С отцом дочки мы вскоре расстались. Не развелись, а просто разошлись, так как не были женаты. Мне одной пришлось поднимать троих ребятишек.

Шло время, дети подрастали. Я крутилась как белка в колесе. Иногда за помощью приходилось обращаться в Красный Крест, так как средств дотянуть до конца месяца вечно не хватало. Раз в месяц получали талоны на сухой паек: килограммовый пакет сахара, риса, консервированные сосиски, литр масла. Это нас сильно выручало. Один чайный пакетик заваривали до тех пор, пока он мог подкрашивать воду. Одежду занашивали до дыр, кроссовки – пока не вываливались пальцы, куртки – пока рукава не становились совсем короткими. Работать возможности не было – на руках трое маленьких детишек. Период был не из легких, ну, это отдельная история.

Жизнь в Барселоне

Когда Катерине исполнилось три года, Павлуше восемь, а Климу шесть, мы переехали в Барселону. Нам очень понравился этот город, такой прекрасный, величественный и чарующий. Много чего произошло здесь в течение последующих двух лет. Я вышла замуж за Мигеля Ангела, которого знала почти три года. Этот брак длился недолго – одиннадцать месяцев. Я снова осталась одна с детьми, жила, как получалось, и не сдавалась.

Между тем в пятилетнем возрасте у Катерины начались какие-то странности со здоровьем. Это была не особенно заметная для окружающих дисфония – странная охриплость в голосе. Наш педиатр, доктор Мария Роза Паскуаль, замечательная женщина, у которой всегда в зале ожидания находилась куча детишек, отправила нас к логопеду. Вокальные упражнения с этим специалистом не улучшили четкость голоса.

Тогда нам посоветовали обратиться к челюстно-лицевому хирургу, но и он ни аномалии, ни врожденных физиологических дефектов не обнаружил.

– Здоровая девочка, все выглядит превосходно! – радостно заявил врач.

Но что-то происходило с моей дочкой. Я-то это видела и не могла понять, что именно... Стали заметны нарушения равновесия и координации. Когда Катерина бегала или выполняла упражнения, было видно, что она не успевает за детьми, и движения ее были не совсем точными.

Симптомы появлялись постепенно, но наш педиатр не считала их серьезными отклонениями. Когда она просила Катерину пройти по своему крошечному кабинету или удержать равновесие, стоя на одной ноге, все выглядело вроде бы хорошо. Для надежности она подобрала нам школу для развития моторики, что придало мне какую-то уверенность. Ничего особенного не обнаруживалось, а значит, причин для переживаний не было, и меня это как-то успокаивало.

Другой тревожный фактор: Катерина никак не могла научиться ездить на двухколесном велосипеде. Все пытались помочь. Держали велосипед, подбадривали словами, но дочке никак не удавалось разогнаться и поехать, она боялась упасть. Два дополнительных колеса с ее розового с принцессами велосипеда так и не были сняты. Желание научиться кататься было огромным, и она так настойчиво старалась, но... безуспешно. Я не понимала, спрашивала себя: «В чем причина? Катерина – обычная шустрая девчушка, почему у нее никак не получается? Мальчишки же научились это делать! И довольно быстро».

Переживала ли я? Конечно же, переживала! Все это казалось очень странным, и подозрительнее всего было то, что врачи не находили никаких причин для волнения.

Симптомы продолжали появляться, и мы снова и снова возвращались к нашему педиатру. Почти каждое утро после пробуждения девочка испытывала тошноту, иногда случалась странная желтоватая и водянистая рвота, сопровождаемая головокружением. Нам посоветовали немного изменить ее рацион, включать больше фруктовых соков и салатов. Это тоже не помогло.

На ручках и ножках вдруг пошли болезненные пятна экземы, и единственным препаратом, который помогал, был глюкокортикоидный крем. Он снимал жжение и зуд.

В поисках причин заболевания (которые длились уже около года) мы обратились к неврологу. Так начался новый путь тестирования и проверок. После проведения диагностики стало ясно, что проблемы с равновесием не являлись нормой. Тем временем изменения добрались и до ее лица. Когда дочка улыбалась, левый уголок губ приподнимался выше и один глаз открывался меньше, чем другой. Лицо становилось несимметричным, казалось, что Катерина улыбается одной стороной. Все заметнее делалась дисфония – часто приходилось напрягать слух,

чтобы понять, о чем она говорит. Ухудшилось зрение. Тем не менее она чувствовала себя достаточно хорошо, и ее ничего особо не беспокоило. Это была счастливая девочка.

Мы приехали к неврологу в больницу Валь д'Эброн (Vall d'Hebron), сделали ряд обследований, включая компьютерную томографию. Результаты показали, что беспокоиться не о чем. А между тем симптомы непонятной болезни продолжали развиваться по нарастающей. Я доверяла врачам и не сильно волновалась, но сама ситуация мне уже совсем не казалась нормальной. Ищут, ищут, а ничего не находят. Теперь я знаю, что никакие современные технологии не могли сказать нам о том, что жизнь Катерины уже находилась в опасности. Время немилосердно продолжало отсчитывать минуты и секунды.

Однажды наш невролог решил провести незнакомое для меня обследование. Сканирование, которое называется МРТ (магнитно-резонансная томография). Это неинвазивное исследование головного мозга посредством мощных магнитных полей, высококачественных импульсов компьютерной системы и программного обеспечения, позволяющих получить детальное трехмерное изображение мозга. Одно из самых современных и точных исследований мозга, внутренних органов и их тканей.

Страшный диагноз

Нам сделали МРТ, а через неделю назначили консультацию для обсуждения результатов сканирования. Я была достаточно спокойна. После процедуры Карлос, прощаясь с нами на паркинге, сказал:

– Все будет хорошо, мами, все будет хорошо, вот увидишь, – но взгляд у него в тот день был странным.

– Конечно, хорошо, – ответила я, и мы с Катериной отправились домой, абсолютно ничего не подозревая.

Дождаясь очередной консультации, я надеялась и настраивала себя мысленно на то, что все будет хорошо, что причину вот-вот установят и проблема будет с легкостью преодолена. Настал день визита. Мы прибыли в больницу, Карлос уже был там. Нас вызвали в кабинет, а Катерину медсестры забрали в игровую комнатку – заняли развлечениями, чтобы она не плакалась. Доктор предложил нам сесть, расположившись напротив за своим рабочим столом.

Медицинские термины на испанском звучали для меня не понятнее марсианского языка, но новость, которая меня ожидала, заблокировала мой мозг полностью. Я слушала и не верила тому, что слышу. Вся последующая информация никак не укладывалась у меня в голове и меньше всего походила на реальность.

– У вашей дочери обнаружена опухоль головного мозга, вероятно, неоперабельная, – сказал невролог, как выстрелил в лоб. Мое тело аж вспыхнуло изнутри, как огонь. Доктор, выдержав паузу, продолжил: – Опухоль расположена в стволе головного мозга, тесно взаимосвязанного с нервными волокнами, которые проходят через спинной мозг. Здесь сосредоточены все важные нервные соединения. Это один из основных путей взаимосвязи между передним мозгом, спинным мозгом и периферической нервной системой. Контроль многих функций, таких как дыхание, сердечный ритм, происходит именно в этой зоне. Это реальная трагедия.

«Бууу-бууу-буууу... у», – это то, что я слышала после первого предложения, произнесенного им. У моего ребенка опухоль в его маленькой головешке?! Не могу поверить, что это происходит с моей дочерью, думала я, пока доктор продолжал говорить. Это ложь! Тут, должно быть, какое-то недоразумение. «Быть такого не может!» – продолжала повторять я про себя. Сказанное врачом казалось неправдоподобным! Я была уверена, что моя дочь совершенно здорова, у нее же ничего не болит настолько сильно, чтобы выносить такой страшный приговор!

Пока доктор говорил, я выпала из реальности. Казалось, что говорит он не со мной, а с кем-то другим, сидящим за моей спиной. Но к моему великому удивлению, там никого не было. В кабинете невролога были Карлос, сам невролог и я. Больше никого! В мыслях у меня началось помутнение. Врач говорил и говорил, а я все меньше и меньше понимала происходящее и не могла взять в толк, почему он вообще мне говорит это. И когда он уже остановится? «Нет, только не моя Катерина!» В голове стоял шум, я чувствовала себя потерянной. Его слова превратились в мешанину звуков, которые мне было уже невозможно отделить друг от друга. Врач смотрел мне в глаза и спокойным тоном объяснял, делал небольшую паузу и снова объяснял. И так несколько раз. Я ничего не понимала!!! Тогда он взял листок бумаги и принялся рисовать.

Вспоминая сегодня о том дне, я могу себе представить, что подобную реакцию он видел не впервые. Большинство родителей в его кабинете, столкнувшись с аналогичной ситуацией и услышав страшный диагноз их малыша, возможно, так же замирают в шоке, как и я.

Рисунок доктора иллюстрировал происходящее. Туманность моих мыслей стала рассеиваться и проясняться. Врач попытался изобразить ствол головного мозга и место, где появилась опухоль.

– Вот здесь находится опухоль, – он ткнул карандашом в рисунок, и этот жест я поняла сразу. – Изображения с МРТ показывают: состав ее плотный и давит на нервные окончания. Рост, похоже, медленный, что позволяет принимать решения без спешки. Повторим снимок через несколько дней и попытаемся определить скорость ее роста, – пришел к заключению врач. Сделал паузу и продолжил: – Понадобится операция. Какой тип операции, мы пока не определили, думаем, это будет открытая биопсия.

Мне это ни о чем не говорило – значения слова «биопсия» я тогда не знала и с неохотой продолжала слушать врача.

– С помощью операции мы попытаемся уменьшить размер опухоли, удалив ее там, где это будет возможно. Месторасположение этой опухоли редкостное, практически в самом центре головы. Добраться туда достаточно сложно. Операцией постараемся уменьшить давление на мозг, на нервные окончания и на один из мозжечков. Это позволит Катерине чувствовать себя лучше. Мы сможем проанализировать клетки опухоли, определив их тип.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.